

Судьба шлезвиг-гольштейнского наследия российских императоров

В последние месяцы правления Елизаветы Петровны обострилась проблема владений в Шлезвиге и Гольштейне, некогда принадлежавших герцогу Шлезвиг-Гольштейн-Готторпскому Карлу-Фридриху, супругу старшей дочери Петра I. Поскольку герцог умер в 1739 г., то право владения этими территориями перешло к его сыну Карлу Петеру Ульриху, то есть наследнику российского престола великому князю Петру Федоровичу. Сами по себе эти земли были по российским масштабам не очень обширны, но ценность их заключалась не в размерах, а в стратегическом расположении на юге Ютландского полуострова, на перешейке между Северным и Балтийским морями. Обладатель их мог вести как балтийскую, так и океанскую торговлю, а, проведя судоходный канал длиной всего 100 км, вообще избавиться от выплаты датчанам Зундской пошлины.

Однако еще в годы Северной войны датчане заняли Шлезвиг, основываясь на старинном праве владения им: как и Гольштейн, эта земля управлялась герцогами принадлежавшими к датской королевской династии Ольденбургов (младшая ветвь), имели общих предков /1/, а иногда, как это было в XVI в, даже короновались в Дании. Каждая из земель издавна делилась на двое - на герцогскую и королевскую части. Полностью Шлезвиг был занят датчанами в 1684 г., а по датско-шведскому мирному Фредериксборгскому договору 1720 г. он целиком и навсегда возвращался датской короне, тогда как герцогскую часть Гольштейна король освободил для герцога, оставшись властителем второй части этой земли.

При этом передачу Шлезвига датской короне гарантировали Англия и Франция, в 1732 г. - Россия с Австрией, а в 1734 г. - и Швеция. Еще позднее, 25 апреля 1750 г. в Копенгагене был заключен так называемый «Окончательный договор»

(Definitivtraktat) с шведской короной, согласно которому тогдашний голштинский герцог и наследник шведского престола Адольф Фредерик Шлезвиг-Гольштинский отказывался от Шлезвига в пользу датского короля Фредерика V и его венценосного потомства по мужской линии. Взамен Фредерик V обязался с течением времени выплатить 200 000 талеров из дворцовой казны, но шведский король этих денег так и не увидел /2/.

После смерти отца, точнее, в 1741 г. 14-летний Карл Петер Ульрих был приглашен своей теткой Елизаветой Петровной в Петербург. По достижении совершеннолетия, то есть в 1745 г., он обрел статус правящего герцога Гольштейна. Однако на родину он не вернулся, там от его имени правил брат его отца Фридрих Август - в качестве штатгальтера. Но с 1751 г., когда последний был возведен в сан епископа Любекского, управление герцогством осуществлялось Тайным правящим советом, резиденция которого находилась в Киле, а пост штатгальтера оставался незанятым.

Таким образом, шлезвиг-гольштейнская проблема в сер. XVIII в. заключалась, с одной стороны, в том, что великий князь Петр Федорович стремился вернуть себе шлезвигские земли предков. Это было вполне реально, так как высокие гаранты договора 1720 г. по разным причинам от своих обязательств к тому времени отказались. С другой стороны, датский король, считая весь Шлезвиг своим, постоянно опасался, что герцог, заручившись поддержкой какой-либо сильной державы, попытается вернуть свою часть этой земли вооруженной силой. То есть, датская корона нуждалась в обновлении добровольной передачи герцогских прав на владение его частью Шлезвига уже новым герцогом, то есть великим князем Петром Федоровичем. Кроме того, в Копенгагене давно был готов план мирного возвращения короне и герцогской части Гольштейна. Для этого король Фредерик IV ещё в 1719 г. предложил обменять герцогскую часть этой земли на другую свою собственность - более обширные графства Ольденбург и Дельменхорст /3/, а также помочь герцогу силами всей датской армии, если его законному восхожде-

нию на стокгольмский престол попытается какая-либо группировка шведов, не желавших видеть корону на голове у голштинца /4/.

Предложение было заманчивым, но различные внешние обстоятельства не позволили пока приступить даже к обсуждению конкретных условий и порядка его воплощения. И это несмотря на то, что российско-голштинские отношения в последние годы жизни Петра I и при его ближайших преемниках поднялись на ранее небывалую высоту - достаточно упомянуть о браке герцога Карла Фридриха и дочери Петра Анны, состоявшемся по инициативе первого императора России. Тогда же Петру удалось получить от шведского короля Фредрика I официальный документ, датированный 20 ноября 1723 г. «О признании герцога Королевским величеством с гарантией возведения на шведский престол как единственного потомка мужского пола Густава Вазы» /5/.

Шлезвиг-голштинская проблема обострилась в годы Семилетней войны. Дания, как и Швеция, в ней не участвовали, а для того, чтобы оградить свои торговые суда от нападений каперов воюющих сторон, заключили в 1756 г. союз о вооруженном нейтралитете. Кроме того, опасаясь так или иначе быть втянутым в войну, копенгагенский кабинет заключил 4 мая 1758 г. союз с Францией. Согласно этому трактату Дания обязывалась не поддерживать Англию и Пруссию и ввести в Гольштейн 24-тысячное войско, которое было в состоянии воспрепятствовать нападению Пруссии на богатые Гамбург и Любек. Взамен Париж давал средства на содержание этого корпуса и обещал приложить все усилия для того, чтобы Петр Федорович, став императором, согласился уступить свою часть Гольштейна в обмен на упоминавшиеся датские графства. Вскоре к договору приступила и Австрия /6/.

Впрочем, Франция, экономически ослабевшая во время войны и терпевшая в ней поражение за поражением, вряд ли была способна исполнить последнее обещание. Задача эта была трудна и по чисто субъективной причине - Петр Федорович, как

и большинство его земляков-голштинцев, испытывал горячую ненависть к Дании, уже много десятилетий стремившейся целиком присоединить Гольштейн к коронным владениям, в том числе и вооруженной силой. Возможно, именно для того, чтобы смягчить жесткую позицию великого князя, Дания поступилась своим нейтралитетом и в марте 1760 г. пошла на предложение России закрыть Зундский пролив для английских судов. Взамен и Россия присоединилась к датско-французскому договору 4 мая 1758 г.

Делались попытки сблизиться с Россией и иным путем. Известно, что, живя отдельно с Петром Федоровичем (вместе со своим окружением тот имел резиденцию не в Петербурге, а в Ораниенбауме), Екатерина постоянно нуждалась в деньгах для содержания своего небольшого двора. Эти средства, не скупясь, давал ей датский посол А. С. Остен. Постепенно он вошел в такую доверенность у будущей императрицы, что стал ее *postillon d'amour*, передавая любовные послания великой княжны тогдашнему ее любовнику кн. Станиславу Понятовскому /7/. Поэтому привлечь Екатерину на свою сторону в деле обмена земель А. С. Остену не составляло труда, тем более, что она питала привязанность к Гольштейну, сохраняя самые теплые воспоминания о герцогстве, где провела лучшие годы своей ранней юности /8/. Таким образом, проблема обмена земель медленно, но продвигалась к своему решению.

Но внезапно произошло событие, повергшее датский кабинет в шок. Выяснилось, что согласно секретному договору с Австрией Россия должна была получить по окончании войны Восточную Пруссию. Это означало не только новый шаг в процессе российской экспансии на Балтике в направлении Дании, что с точки зрения датчан было опасным само по себе. Теперь Россия оказывалась гораздо ближе к датским границам, всего в двух днях морского пути. Такое усиление позиции державы, во главе которой не сегодня - завтра окажется самый жесткий противник королевства, ставило Данию в ситуацию крайне угрожаемую. Причем это были не пустые опасения. В июле 1761 г.

великий князь потребовал от Дании 24 млн. талеров в качестве компенсации налога, который казна герцогства могла бы получить с Шлезвига за 41 год, прошедший с момента его захвата датчанами. При невыполнении этого требования Петр Федорович угрожал жесткими санкциями, если не немедленными, то в будущем /9/. А будущее это было не за горами - императрица Елизавета все больше слабела, истекали последние месяцы ее бурной жизни.

Министр иностранных дел Дании И. Х. Э. Бернсторф издавна опасался Пруссии, хорошо зная, что ее король Фридрих II строит экспансионистские планы, в том числе и в отношении южно-ютландских герцогств. Однако российская угроза заставила министра сделать попытку коренной переориентации во внешней политике страны. Он решил примкнуть к прусскому противнику России, рассчитывая, что после этого ход войны может измениться, и Петербургу станет не до герцогских земель. Начались переговоры с прусским королем, который с радостью пошел навстречу датским предложениям - здесь была важна не столько реальная сила датской армии, сколько психологическая поддержка в трудную для Пруссии минуту.

Но эта инициатива Копенгагена не встретила понимания в союзном Париже, хотя французский кабинет и был крайне обеспокоен стремлением России сохранить за собой оккупированную Восточную Пруссию. Личный друг И. Х. Э. Бернсторфа, министр иностранных дел Франции герцог Шуазель направил своему датскому коллеге резкое письмо, в котором указывал, что переговоры с Пруссией ставят под вопрос само дальнейшее пребывание Дании в союзе с Францией - со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, французские и австрийские дипломаты совместно заверили датчан, что приложат все свое немалое влияние при российском дворе с тем, чтобы великий князь согласился на обмен территорий. Но когда такие переговоры начались, то оказалось, что дипломатические представления Франции и Австрии бесполезны: Елизавета, как и раньше, проявила полную пассивность во всем, что касалось голштин-

ской проблемы, а самые влиятельные политики Петербурга также уклонялись от поддержки союзников, опасаясь перейти дорогу будущему императору Петру Федоровичу. Единственным результатом этих переговоров был полученный союзниками в июле 1671 г. ответ великого князя, который можно было расценить лишь как насмешливый отказ обсуждать с ними эту проблему /10/.

По этой причине И. Х. Э. Бернсторф был вынужден и далее придерживаться последовательного нейтралитета, однако эта политика едва ли могла быть поддержана вооруженными силами державы. Датская армия была слаба в численном отношении (мобилизационный максимум - всего около 70 000 солдат и офицеров) и безнадежно отсталой. Руководитель военного ведомства оберкригссекретарь К. Алефельдт был в силу своих личных качеств не в состоянии реформировать армию, и в 1761 г. было решено пригласить для этого опытного и одаренного французского полководца Клода Луи де Сен-Жермена. Этот генерал энергично взялся за дело, сменил ряд высших офицеров, в том числе командующего корпусом, стоявшим в Гольштейне у Седерберга, Ф. Э. Бранденбург-Кульбаха и лично возглавил эту часть датской армии. Однако на глубокие реформы, как воздух необходимые датским вооруженным силам, времени практически не оставалось, - 25 декабря 1761 умерла Елизавета Петровна, и на российский престол взошел Петр Федорович. Начались 186 дней этого недолгого, но яркого правления.

Первой из внешнеполитических акций нового императора стало прекращение войны с Пруссией. В июле 1762 г. Петр III заключил союз с Фридрихом II, не скрывая, что сделал это, среди прочего, для совместной с немцами войны против Дании, отказавшейся возвратить императору его шлезвигское наследие /11/. Согласно комментарию А.Ф. Малиновского «Император Петр III при вступлении своем на Всероссийский престол более всего обр...л [неразб.] себя тем, чтоб возвратить, чего бы то ни стоило, принадлежащую ему долю в Герцогстве Шлезвигском и отмстить за обиды, нанесенные Ему и предкам Его от королей

Датских, учредив 18 мая при дворе своем под собственным руководством собрание, которое состояли: Его Высочество Герцог Георг-Людовик, его светлость принц Голштейнский, Генерал-фельдмаршалы: Граф Миних и князь Трубецкой, Канцлер граф Воронцов, Генерал-Фельдцехмейстер Вильбоа, Генерал-Поручик князь Волконской». Это собрание направило в Иностранную коллегию Предписание «О выгодах настоящего времени к войне с Даниею за Шлезвиг».

В Предписании, среди прочего говорилось: «Последний Дацкого двора ответ на учиненное с стороны нашей через Действительного Тайного Советника Корфа требование категорического объяснения, а именно, хочет ли Дания удовлетворять справедливые наши притязания и умноженные его как на море так и на сухом пути войска могут не только для нас, но и для всего света неопровергаемым служить доказательством, что Дания со всем не имеет склонности полюбовно с НАМИ разделаться, но почитая долгое и спокойное владение похищенных земель за право, видимым образом ищет только время выиграть в таком чаянии, что не всегда Армия НАША будет в близости к доставлению нам праведного удовлетворения, а тем временем могут обстоятельства сделаться и полезными Дании... Нам напротив того всемерно не оставалось принять другой Резолюции, как... воспользоваться следующими обстоятельствами, а именно:

1-е Что Армия наша находится по большей части в Померании, следовательно в близости от Голстинии, и по благополучном ныне заключенном мире с Его Величеством Королем Прусским ни что ей не препятствует, показать НАМ в Голстинии новые заслуги и тогда возвратиться в отечество с новою славою.

2-е Что не токмо превосходные противу Дацких числом силы можем мы поставить, но есть долг отдать нашим справедливость, что оныя столько к трудам, сколько к победам приобькли; вместо того, что дацкие войска уже столь много лет в употреблении были...» /12/.

Таким образом, для нового царя не существовало воп-

роса - воевать с Данией или же пойти на какой-либо компромисс. Поэтому после заключения мира российское войско под командованием генерал-поручика графа П. А. Румянцева не вернулось на родину, а двинулось в направлении датской границы, правда, остановившись в Мекленбурге, откуда до Дании оставалось несколько дней марша. В июле ждали прибытия в войско Петра III, который пожелал лично участвовать в отвоевании дедовского наследства. Одновременно датский корпус К. Л. Сен-Жермена покинул лагерь у Седерберга и также вошел в Мекленбург, чтобы остановить противника на дальних подступах к границе. Между Килем и Ростокom крейсировал довольно мощный датский флот (14 линейных кораблей и 8 фрегатов, превосходивший российский также в смысле организованности и выучки экипажей) под командованием адмирала К.Ф. Фонтеная. Он должен был прикрыть сухопутный корпус с моря от возможной высадки российского десанта /13/. Однако надежды на успех вооруженного сопротивления российскому войску, испытанному в сражениях Семилетней войны, были весьма слабы. Корпус К. Л. Сен-Жермена, состоявший главным образом из необстрелянных наемников, страдал от нехватки средств /14/ и дезертирства, а денег в датской казне было катастрофически мало. С этой целью была сделана попытка взять у Гамбурга ссуду в 1 млн. талеров, а когда ратуша отказалась дать деньги, город осадили датские войска и он был вынужден выдать запрошенную сумму из 4% годовых. После этого датская армия, нуждавшаяся в порте для доставки боезапаса и провианта из Копенгагена, захватила после разрушительной бомбардировки любекскую крепость Травемюнде /15/.

Между тем датское правительство отнюдь не питавшее иллюзий относительно успеха в военном противостоянии с Россией, тем не менее, приняло решение драться до конца. И. Х. Э. Бернсторф писал в эти дни своему французскому коллеге герцогу Шуазелю: Мы готовы ко всему, и, несмотря на наше традиционное стремление к миру, решили, что лучше пусть нас погребут руины отечества, чем попасть под российское иго, что

произойдет, если им удастся заполучить себе одну колонию посреди наших земель (здесь министр имел в виду Шлезвиг - В.В.), а вторую - между Данией и Германией (т. е. Гольштейн - В.В.)» /16/.

Ситуация для датчан сложилась тяжелейшая. Петр III уже делил в своём ораниенбаумском кругу датские владения. Царь не скрывал, что после захвата Дании собирается узурпировать древний престол этой державы, а короля с семьей отправить то ли в Транкебар (датская колония в Индии), то ли подарить ему имение и пенсион где-нибудь в Лифляндии /17/. То есть, завоевание Дании русско-прускими войсками было делом решенным, и Фридрих II уже пошучивал насчет того, что датские министры «готовы утопиться из страха, что их расстреляют победители» /18/.

Нужно сказать, что прусский король был неправ. Датское правительство решительно готовилось к войне с превосходящими силами противников. 22 марта 1762 г. Датская канцелярия (высший правительственный орган) постановила, что держава ни при каких обстоятельствах не должна уступать российским требованиям о передаче Шлезвига и Гольштейна. Король утвердил это постановление с единственным уточнением: датские войска не должны первыми открывать военные действия, предоставив играть роль агрессора России. Конечно, при этом утрачивались преимущества наступательного ведения войны, но политика страны выигрывала во мнении европейского общества. Любопытно, что эта позиция критиковалась датским генералитетом, прекрасно понимавшим всю бесперспективность решения судьбы страны на поле боя /19/. То есть, в этой драматической ситуации штатские чиновники и король проявили больше мужества, чем профессиональные военные.

Уже 31 марта была закончена мобилизационная компания, в армии было объявлено походное положение, а флот переведен на Кильский рейд. В главную ставку (она находилась в Травентале) прибыл король, пожелавший личным участием в походе поднять боевой дух своей маленькой армии. Одновре-

менно в Мекленбург и Ганновер были посланы уведомления о возможном марше главной армии Дании через территорию этих княжеств. 9 - 12 июля 1762 г. примерно половина датской армии под командованием К. Л. Сен-Жермена форсировала р. Траве и вошла в Мекленбург.

Между тем датское правительство предпринимало последние перед началом войны шаги, чтобы не допустить вооруженного столкновения с превосходящими силами противников. В Петербург был отправлен голштинский дворянин Ш. К. Рантцау-Ашенберг, который должен был достичь какого-то соглашения с царственной парой. Но его миссия провалилась, так как он пришелся настолько не по нраву императрице, что был выслан домой. Затем 11 июля 1761 г. в Ораниенбаум прибыл талантливый дипломат, посланник И. Х. Э Бернсторфа, подданный голштинского герцога, принятый в России в службу и получивший должность конференц-советника, Каспар Салдерн /20/.

К. Салдерн также пытался предотвратить вторжение в Данию, склоняя императора к переговорам в Берлине, которые организовал Фридрих II - прусскому королю не слишком хотелось начинать новую войну, еще не оправившись от Семи-летней. В целом же позиция этого голштинца была ясна: будучи свидетелем довольно жалкого управления герцогством немецкой администрацией, всячески старавшейся ассимилировать датское меньшинство местного населения, он делал все, чтобы и вторая часть Гольштейна перешла под власть датских королей. Обретя с течением времени немалое влияние при российском дворе, он с этой целью буквально подстегивал Н. И. Панина, не менее влиятельного дипломата и воспитателя цесаревича Павла, но несколько пассивного по отношению к голштинскому вопросу. Он же стал инициатором встречи российских и датских политиков где-нибудь на нейтральной территории, например, в Пруссии.

Российским участникам Берлинской русско-датской конференции, которая должна была проходить под патронатом короля Пруссии, было предписано императорским рескриптом от

18 мая 1762 г. всеми мерами и способами пытаться склонить Данию к уступке голштинских имений Петра Федоровича. Далее, послу в Дании барону И. А. Корфу и отправлявшемуся одновременно с ним в Берлин К. Салдерну было велено в «кратчайшее время» провести и закончить переговоры «для соглашения распрей» по голштинской проблеме датского и российского дворов /21/. При этом российские дипломаты должны были не стесняться в средствах достижения поставленной перед ними цели - добиться от датской стороны удовлетворения требования императора о возвращении наследственных территорий под угрозой применения чрезвычайных мер. Позднее датским участникам переговоров камергеру А. Ассенбургу и советнику И. Г. Адлефельту был передан ультиматум: возврат Петру III его частей Шлезвига и Гольштейна - или война с конечной целью ликвидации Дании как суверенного государства.

О том, что царь сознательно поставил перед датчанами заведомо невыполнимые условия с целью силового разрешения конфликта, было известно как современникам, так и первым исследователям истории голштинского вопроса: «Несмотря на грозящую датчанам бурю за ранее известно было, что они никак не согласятся на предписанные им при конгрессе уничижительные и разорительные пожертвования, а Император Всероссийский того только и желал, чтоб иметь повод к формальному объявлению войны...»** Поэтому первое заседание Берлинской конференции (1/12 июля 1762 г.) стало и последним. На нем стороны еще раз заявили друг другу о решимости придерживаться уже заявленных позиций. Увидев, что компромисс невозможен, участники конференции разъехались по домам.

По общему мнению, Дания была обречена. Кильская администрация герцога в преддверии неминуемой оккупации уже перевезла архивы и ценности правящей династии в Гамбург /22/. Российские войска пришли в непосредственное соприкосновение с датчанами, - конные разъезды противников уже встречались на нейтральной территории. И вдруг в главную ставку К. Л. Сен-Жермена поступило ошеломляющее сообщение датской

разведки от 17 июля: русские оставляют полевой лагерь и маршируют на восток. И лишь спустя некоторое время нашлось объяснение этому чуду, спасшему страну буквально накануне гибели: 23 июня (ст. ст.) в Петербурге произошел дворцовый переворот. Петр III был свергнут, на престол взошла Екатерина II, тут же приказавшая российской армии начать сниматься с мекленбургских позиций и маршировать в Петербург: «Предприятие Предшественника своего» императрица «почла несомненным ни с пользой, ни с славою Российской Империи» /23/. Кроме того, она сразу же заявила копенгагенскому правительству, что намерена возобновить и углубить вековую дружбу с датским королевским домом.

Фредерику V оставалось лишь благодарить свое мужественное правительство за твердую позицию несмотря на реальную российскую угрозу: если бы оно уступило и согласилось на передачу шлезвигских и голштинских земель, позднее вернуть их было бы неизмеримо труднее, чем отстоять в дипломатической дуэли 1761 - 1762 гг. Впоследствии в память этого драматического эпизода датской истории в парке королевского замка Фредериксборг была установлена колонна с надписью *Fortissima concilia tutissima* - «Самое мужественное решение - и самое правильное».

Правда, датско-российские отношения восстанавливались с трудом - возникла проблема опекуства. Как отметил старый российский историк, «Опека над несовершеннолетним тогда еще Государем Павлом Петровичем как властительным Герцогом Шлезвик-Голштинским произвела было затруднения и неприятности. Императрица в качестве матери изъяснила на то свои требования. Король же Датский Фредерик V считал себя вправе быть Администратором по введенному из стари обычаю и договорам. Основавшись на том, он вступил в опекуство чрез двух Комиссаров, которых отправлены были от него в Киль» то есть столицу герцогской части Гольштейна /24/.

Однако местная, в основном немецкая администрация не позволила датским комиссарам выполнить возложенную на них

функцию, так что для поддержки королевского дела в герцогство пришлось ввести войска. Недоразумение с двумя кандидатами на опеку удалось уладить Екатерине II. Императрица вновь утвердила назначенного ещё Петром III штатгальтера Гольштейна принца Готторпского Георга Людвига, а когда он в 1763 г. умер, то это место волей Екатерины досталось другому члену младшей ветви династии Ольденбургов, брату покойного, любекскому князю-епископу Фредерику Августу /25/.

Все эти проблемы решались в течение двух с лишним лет. На протяжении всего этого времени почти постоянно велись датско-российские переговоры, и 28 февраля/11 марта 1765 г. между державами был заключен союзный договор. Согласно секретному артикулу трактата Екатерина II в качестве матери правящего герцога Шлезвиг-Гольштинского обязалась «кончить примирением все ссоры по Голстинским и Шлезвицким делам», имея в виду по достижению великим князем и наследником Павлом Петровичем совершеннолетия полный его отказ от Шлезвига и обмен герцогской части Гольштейна на графства Ольденбург и Дельменхорст /26/.

С первых месяцев 1767 г. в Копенгагене возобновились русско-датские переговоры по шлезвиг-голландской проблеме. Российскую делегацию возглавляли К. Салдерн и новый посол в Дании М.М. Философов. Данию неизменно представлял И. Х. Э. Бернсторф, непосредственно работая над вариантами текста будущего договора. В окончательном своем виде этот акт был готов 22 апреля 1767 г., но лишь 10 октября ратифицирован Екатериной, а 30 ноября - недавно взошедшим на престол королем Кристианом VII. Содержание договора осталось прежним: Екатерина как опекунша Павла Петровича отказывалась от его части Шлезвига и соглашалась отдать Гольштейн в обмен на уже упоминавшиеся графства. Взамен Кристиан VII обязался выплатить значительный внешний долг голландских герцогов (250 000 талеров). Одновременно его брат, наследный принц Фредерик, должен был отказаться от всех прав на епископство Любекское, передав их герцогам. Таким образом, договор удов-

летворял всех. Однако он мог вступить в силу лишь по достижении Павлом совершеннолетия и его согласия со всеми пунктами этого акта /27/.

Лишь в 1773 г., то есть через шесть лет тревожного ожидания наступила зрелость российского престолонаследника, и шлезвиг-голландская проблема вновь обрела актуальность. Датский двор с понятным волнением ожидал из Петербурга вестей о согласии (или несогласии) Павла Петровича расстаться с владениями своих предков-герцогов. К тому времени И. Х. Э. Бернсторф умер (1772 г.), но пост министра иностранных дел и директора Немецкой канцелярии /28/ занял его племянник, А.П. Бернсторф, досконально следовавший традиционному политическому вектору страны - к полному удовлетворению России. Теперь он должен был завершить дело об обмене территорий, начатое его знаменитым дядей. Долгожданное событие свершилось в Царском Селе 21 мая / 14 июня 1773 г., когда договор был, наконец, подписан совершеннолетним наследником российского престола.

Однако впоследствии текст договора претерпел кое-какие незначительные изменения и в окончательном виде был скреплен в Петербурге подписями великого князя Павла Петровича как полномочного герцога Гольштейн-Готторпского и короля Кристиана VII. Нового в нем было лишь обязательство российской стороны содействовать выбору соборным капитулом Любека в наследники князя-епископа не датского принца Фредерика, как намечалось, а Петера Фредерика Вильгельма, сына тогдашнего епископа Любекского.

Это был один из редких случаев, когда договор не вызвал недовольства ни у одной из договаривавшихся сторон. Неслучайно вскоре началось очередное сближение России и Дании. В том же году, 12 августа были подписаны два союзных датско-российских договора - оборонительный и наступательный. Учитывая неблагоприятные для Дании перемены в Швеции после бескровного переворота 19 августа 1772 г. (начало восстановления абсолютизма, чреватого новыми войнами шведов с сосе-

дями), эти трактаты оказались как нельзя более своевременными.

Фактическое же оформление обмена территориями состоялось 16 ноября 1773 г. в Киле и 10 декабря 1773 в Ольденбурге. Отныне Дания представляла собой единое целое вплоть до правого берега Эльбы включительно, а российские императоры утратили соблазн выступать в Кильской гавани в качестве хозяев и разделять управление герцогством с датскими королями. Было сделано большое дело - неудивительно, что в Копенгагене в этом году часто вспоминали И. Х. Э. Бернсторфа, инициатора и архитектора новых контуров королевства. Через год его вдова была приглашена во дворец, где ей вручили нагрудный портрет короля с бриллиантовым обрамлением. На футляре стояла надпись «В память о 16 ноября 1773 г.» /29/.

1. Единой семьей Ольденбурги были ещё во вт. пол. XVI в., при жизни датского короля Фредерика I.
2. Wienbarg L. Geschichte Schleswigs. Hamburg, 1861. Bd. II. S. 148-149. Далее: Wienbarg, 1861.
3. Графства Ольденбург и Дельменхорст были личной собственностью датских королей, политически они были связаны с Данией личной унией, чему не препятствовал их статус членов империи.
4. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 248. Этот источник, к которому мы будем неоднократно обращаться, - рукописное собрание копий документов и актов, осуществленное в 1803 г. известным архивистом А. Ф. Малиновским и озаглавленное как «Дипломатическое Собрание Дел между Российской Империей и Шлезвиг-Голстинским Герцогством происходивших... Сочинено из Российских Летописей, из достовернейших Иностранных повествований и из подлинных дел, хранящихся в Московской Коллегии Иностранных дел Архиве». Ценность этого собрания в том, что далеко не все источники, использованные А.Ф. Малиновским, удастся обнаружить в современных библиотеках и архивах. Не менее важны аналитические комментарии А. Ф. Малиновского к документам собрания и к политическим событиям, которых они касались.
5. Текст документа полностью приведен в: Архив СПБИРИ РАН. Ф.

36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 263 - 266.
6. Holm E. Danmarks Riges Historie 1699 - 1814. København, 1903. S. 218. Далее: Holm, 1903.
7. Cedergreen-Bech S. Opløsning og tolerance. 1721 - 1784 // Danmarks historie /Und. red. af J. Danstrup og H. Kock. København, 1965. Bd. IX. S.
8. Она жила тогда в Нойдорфе, имении своей матери, до замужества - голштинской принцессы. - Wienbarg L. Geschichte Schleswigs. Hamburg, 1861. Bd. II. S. 154. Далее: Wienbarg, 1861.
9. Cedergreen-Bech, 1865. S. 388.
10. Holm, 1903. S. 220-221.
11. Король охотно согласился помочь русскому царю, питая надежду, что тот в качестве вознаграждения передаст ему герцогскую часть Шлезвига. А когда Петр III наотрез отказался обещать ему эту землю, Фридрих II, тем не менее, остался верен данному слову и согласился выполнять договор просто в знак благодарности за фактически подаренный ему царем мир, а также рассчитывая на освобождение Восточной Пруссии от российских войск. Хотя, конечно же, ему хотелось бы видеть Голштейн и Шлезвиг в датских, а не российских руках - Bremer I. Geschichte Schleswig-Holsteins bis zum Jahre 1784. Kiel, 1864. S. 342. Далее: Bremer, 1864.
12. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 263-266.
13. Kobbe P. v. Schleswig-Holsteinische Geschichte von Tode des Herzogs Christian Albrecht bis zum Tode Königs Christian VII (1694 bis 1808). Altona, 1834. S.192. Далее: Kobbe, 1834
14. Франция, обещавшая по союзному трактату от 4 мая 1758 г. содержать датский корпус в Гольштейне, деньги высылала крайне неаккуратно и к началу политического кризиса 1762 г. за ней числилось 6 млн. ливров долгу - Holm, 1903. S. 221.
15. Bremer, 1864. S. 343.
16. Cedergreen-Bech, 1965. S. 390.
17. Wienerbarg, 1861. S. 154.
18. Cedergreen-Bech, 1965. S. 391.
19. Исключение составлял К.Л. Сен-Жермен, настаивавший на немедленном наступательном ударе по позициям противника и на походе флота к берегам российской Прибалтики с целью их разорения, - это могло оттянуть часть полевой армии Румянцева на восток. - Op. cit. S. 394 - 395.

20. Подробнее об этом незаурядном политике см. в: Казакова С.В. Каспар фон Салдерн при дворе Петра III и Екатерины II // Забытый император. Материалы научной конференции 11 ноября 2002 г. СПб., 2002. Далее: Казакова, 2002.
21. Казакова, 2002. С. 38. ** Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 592.
22. Kobbe, 1834. S. 191.
23. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 606.
24. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 607.
25. Bremer, 1864. S. 343.
26. Архив СПБИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Е. х. 77. С. 607 - 608.
27. Bremer, 1864. S. 216-217; Holm, 1903. S. 294-295.
28. Немецкая канцелярия, а, точнее, ее Иностранный отдел (Tyske Kancellis Udenlandske Afdeling) являлась, по сути, иностранным ведомством Дании, занимавшимся в основном внешней политикой государства в Европе.
29. Holm, 1903. S. 392.

Л. В. Сидоренко

Мятежи Гордона: массовый радикализм и проблемы министерской стабильности в Англии в 1780 г.

В течение XVIII в. массовые народные выступления жителей Лондона играли важную роль в политической жизни английской столицы. Апогеем этих акций без преувеличения можно считать знаменитые мятежи Гордона - самые масштабные беспорядки за всю историю города на Темзе, продолжавшиеся с 2 по 9 июня 1780 г. Несмотря на внешние религиозные (антикатолические) лозунги, эти мятежи нельзя отделять от общеполитического развития страны, переживавшей в 1780 г. тревожное время. Глава правительства лорд Норт, сумевший в начале 1770-х гг. стабилизировать правительство, к концу этого десятилетия в условиях неудачной войны с североамериканскими колонистами столкнулся с противостоянием парламентской и радикальной оппозиции. В атмосфере нараставшего политического кризиса мятежи Гордона едва не оказали катастрофическое воздействие на стабильность всей политической системы, но в итоге обернулись усилением кабинета. Целью данной статьи является выявление связи антикатолического и радикального движений, а также оценка мятежей Гордона как фактора, повлиявшего на министерскую стабильность и политическую жизнь страны в целом.

Рассмотрение поставленных проблем целесообразно начать с краткого историографического обзора. Несмотря на многолетнее изучение мятежей Гордона, историки так и не пришли к единому мнению об их природе. Существуют три взгляда на эти события. Первый, старый и традиционный, заключается в стихийном проявлении религиозного фанатизма толпой. Вторую точку зрения можно назвать политической: беспорядки 1780 г. были связаны с войной в Америке и имели целью или заставить правительство её прекратить (поэтому не исключались происки США и Франции), или были инспирированы правительством с